

MAIN STREET

Коллекция «Деним»

Ранее в серии **MAIN STREET** вышли

Коллекция «АМЕТИСТ»

Дженнифер Армэнтроут. ОБСИДИАН
Дженнифер Армэнтроут. ОНИКС
Дженнифер Армэнтроут. ЖАРКИЙ ПОЦЕЛУЙ
Дженнифер Армэнтроут. ОПАЛ
Дженнифер Армэнтроут. ОТСЧЕТ
Эми Эвинг. ДРАГОЦЕННОСТЬ
Дженнифер Армэнтроут. ХОЛОДНЫЕ ОБЪЯТИЯ
Дженнифер Армэнтроут. ОТСТУПНИК
Андреа Кремер, Дэвид Левитан. НЕВИДИМЫЙ
Дженнифер Армэнтроут. КАЖДЫЙ ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ
Дженнифер Армэнтроут. ОСВОБОЖДЕННАЯ

Коллекция «ДЕНИМ»

Катя Миллэй. ОКЕАН БЕЗМОЛВИЯ
Ава Деллайра. ПИСЬМО НА НЕБЕСА
Жасмин Варга. МОЕ СЕРДЦЕ И ДРУГИЕ ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ
Э. Локхарт. ВИНОВАТА ЛОЖЬ
Александра Коутс. КЛУБ ЮНЫХ ВДОВ
Ши Олсен, Элизабет Крафт. ВСЕ ОТТЕНКИ РОЗ
Смит Эмбер. ТАКОЙ Я БЫЛА
Эвери Лара. ДНЕВНИК МОЕЙ ПАМЯТИ

Коллекция «СКАРЛЕТ»

Дженнифер Армэнтроут. ЖДУ ТЕБЯ
Моника Мерфи. ДЕВУШКА НА НЕДЕЛЮ
Саманта Тоул. БЕГСТВО К ЛЮБВИ
К.-А. Такер. ДЕСЯТЬ МАЛЕНЬКИХ ВДОХОВ
Пенелопа Дуглас. АГРЕССОР
Дженнифер Армэнтроут. БУДЬ СО МНОЙ
Моника Мерфи. ВТОРОЙ ШАНС ДЛЯ НЕГО
Эль Кеннеди. СДЕЛКА
К.-А. Такер. ОДНА МАЛЕНЬКАЯ ЛОЖЬ
Моника Мерфи. ТРИ НАРУШЕННЫЕ КЛЯТВЫ
Эль Кеннеди. ОШИБКА
Дженнифер Армэнтроут. ОСТАНЬСЯ СО МНОЙ

Коллекция «УЛЬТРАФИОЛЕТ»

Мэтт Хейг. ЭХОБОЙ
Александра Бракен. ТЕМНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ
Вероника Росси. ПОД НЕБОМ, КОТОРОГО НЕТ
Ромина Расселл. ЗОДИАК

Коллекция «ДАРК»

Дженнифер Армэнтроут. НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ
Кристина Лорен. СОВЕРШЕНСТВО
Джулия Берри. ВСЯ ПРАВДА ВО МНЕ
Бекка Фитцпатрик. ЧЕРНЫЙ ЛЕД
Линн Уэйнгартен. ПОСЛЕДНИЕ ЗАПИСКИ КРАСИВЫХ ДЕВУШЕК
Дженнифер Армэнтроут. СПИСОК ВОЗМЕЗДИЯ

Коллекция «БУРГУНДИ»

Рэйчел Кейн. ПРИНЦ ТЕНЕЙ

ЛАРА ЭВЕРИ

ДНЕВНИК МОЕЙ ПАМЯТИ

alloyentertainment

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Э15

Lara Avery
MEMORY BOOK

Печатается с разрешения литературного агентства
Rights People, London.

Оформление обложки *Екатерины Климовой*

Эвери Л.

Э15 Дневник моей памяти: [роман] / Лара Эвери ; [пер. с англ. М. Извековой]. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 288 с. — (Серия MAIN STREET. Коллекция «Деним»).

ISBN 978-5-17-100159-9

Узнав о своем диагнозе — врачи предрекают девушке полную потерю памяти, — Саманта Маккой начинает вести дневник, заполняя его день за днем, обращаясь к будущей себе.

Это повествование о мужестве жить так, словно всем твоим мечтам суждено сбыться.

Для тех, кто полюбил роман Джона Грина «Виноваты звезды».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-100159-9

Copyright © 2016 by Alloy Entertainment
© М. Извекова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Если ты это читаешь, то, возможно, не помнишь, кто ты. Даю три подсказки.

Подсказка номер один: ты всю ночь корпела над сочинением по «Библии ядовитого леса»* для углубленного курса литературы. На какой-то момент ты задремала, и тебе приснилось, будто ты целуешься с Джеймсом Монро, пятым президентом США, провозгласившим доктрину Монро.

Подсказка номер два: я пишу тебе, сидя в мансарде с низким потолком, возле круглого окошка, того самого, что выходит на восток. Зеленые горы** совсем недавно снова зазеленели. Под конец весны разразился чертов снегопад, когда с неба валили мокрые хлопья, и в предрассветных сумерках даже не было видно толком, как носится вверх-вниз по склону Щен: нарекает ежеутренние круги — бесцельно, беззаботно, на то он и Щен. Кажется, куры проснулись, пора их кормить.

Делать нечего, пойду покормлю. Глупые куры.

Подсказка номер три: ты все еще жива.

Ну как, вспомнила, кто ты?

Ты — это я, Саманта Агата Маккой, в не столь отдаленном будущем. Я пишу для тебя. Мне сказали, что память будет слабеть и что я начну скоро все забывать. Сперва понемногу, но чем дальше, тем хуже. Вот я и пишу тебе, чтобы запомнить.

* «Библия ядовитого леса» (*The Poisonwood Bible*) (1998) — роман Барбары Кингсолвер о семье американского христианского миссионера, переехавшей в конце 1950-х годов в джунгли Конго, когда эта страна вела борьбу за независимость.

** Зеленые горы — горный хребет в штате Вермонт (США), часть Аппалачей.

Это не записная книжка, не дневник — ничего подобного. Во-первых, это файл на крохотном ноутбуке, с которым я не расстаюсь — так что не обольщайся, никакой романтики. Во-вторых, сдается мне, когда я закончу (может статься, что и никогда), по объему это будет уже не дневник. Это книга. А я люблю, когда много слов. Скажем, сочинение по «Библии ядовитого леса» вместо положенных пяти страниц я растянула на десять. Другой пример: когда я подавала документы в Нью-Йоркский университет, то написала сочинения сразу на все предложенные темы, чтобы приемной комиссии было из чего выбирать. (Сработало — меня приняли!) Еще пример: я веду страничку Гановерской старшей школы в Википедии — пожалуй, самую объемную и содержательную школьную страницу в США, — а ведь мне даже учиться в этой школе не положено, я не в Нью-Гэмпшире живу, а в Вермонте, как ты (надеюсь) помнишь; но, как ты тоже помнишь (надеюсь), у нас в Саут-Страффорде всего пять тысяч жителей, и при школе нет даже традиционного магазинчика с канцтоварами, учебниками и толстовками. Вот я и выкупила в рассрочку старый папин грузовичок и отыскала лазейки в местных законах.

Эту книгу я пишу для тебя. Разве можно хоть что-то забыть, когда под рукой такой справочник? Считай, твоя личная энциклопедия. Нет, словарь.

Саманта (существительное, имя собственное): американское имя древнееврейского происхождения. В английском языке его значение «слышащая». В древнееврейском — «слушай, имя Божие!»

Слушай, имя Божие, здесь не место телячьим нежностям, но я волей-неволей могу дать волю эмоциям. Чувства, они как детская болезнь: мы их давно оставили в прошлом, но они так и норовят вновь пробраться в нашу жизнь.

Чувства вернулись ко мне вчера, в кабинете у миссис Таунсенд.

Миссис Таунсенд (имя собственное, одушевленное): консультант по профориентации, это она дала тебе возможность пройти отбор на все углубленные курсы и согласовать их с твоим расписанием, и рассказала тебе

про все на свете именные стипендии, чтобы ты не разорила родителей. Внешне напоминает слегка усталую Опру Уинфри, и она — твой кумир, на втором месте после Элизабет Уоррен, женщины-сенатора.

Ну так вот, сижу я в кабинете у миссис Таунсенд, выясняю, все ли работы у меня сданы — нам с мамой пришлось за последний месяц дважды летать в Миннесоту, к врачу-генетику. У меня и весенних каникул считай что не было. (У меня их обычно и так не бывает, но на этот раз я хотела побольше потренироваться с Мэдди, до Чемпионата страны по дебатам остался всего месяц.)

Попробую воссоздать эту сцену:

Белые стены, оклеенные старыми плакатами «ПЕЙТЕ МОЛОКО — БУДЕТЕ ЗДОРОВЫ!» — еще со времен прежней хозяйки кабинета. У миссис Таунсенд за пять лет руки так и не дошли от них избавиться. Я сижу на кубе, обитом махровой тканью — он был задуман как модное кресло. Напротив меня — миссис Таунсенд, в желтом свитере, густые черные кучеряшки топорщатся во все стороны.

Я прошу дать мне еще день, чтобы дописать сочинение по «Библии ядовитого леса».

Миссис Т.: А что случилось?

Я: У меня неприятности.

Миссис Т. (*установившись в экран, щелкая мышкой*):
Что за неприятности?

Я: Погуглите «болезнь Нимана-Пика, тип С».

Миссис Таунсенд набирает, начинает читать.

Миссис Т. (*глухо*): Что?

Я смотрела, как движется ее взгляд. Вправо-влево, вправо-влево, поперек экрана. Это я хорошо помню.

Я: Это очень редкая болезнь.

Миссис Т.: Что за болезнь Нибера-Пикенса? Ты шутишь?

Я не могла удержаться от смеха, хоть лицо ее сморщилось, будто она вот-вот расплачется.

Я: Болезнь Нимана-Пика, тип С. Одним словом, деменция.

Миссис Таунсенд отводит взгляд от экрана, изумленно раскрыв рот.

Миссис Т.: И давно тебе поставили диагноз?

Я: Подозрения возникли два месяца назад. Подтвердилось не сразу, но сомнений больше нет.

Миссис Т.: У тебя будут провалы в памяти? И галлюцинации? В чем же причина?

Я: Наследственность. Бабушкина сестра умерла от той же болезни, не дожив до моих лет.

Миссис Т.: Умерла?

Я: Эта болезнь часто встречается среди франкоканадцев, а у мамы французские корни, вот и...

Миссис Т.: Прости... то есть как — умерла?

Я: Но я-то не умру.

Вряд ли она расслышала, что я не умру — вот и хорошо, потому что я не могу этого ни утверждать, ни отрицать. Зато я точно знаю — и забыла сказать миссис Таунсенд (простите меня, миссис Т.!) — что в моем возрасте признаки этого диагноза проявляются крайне редко. Болезнь, как правило, начинается в раннем детстве, и неокрепший организм не справляется. А у меня, как сказал врач, «совсем другая история». Я спросила, к лучшему это или к худшему. «Пока что, думаю, к лучшему».

Миссис Т. (*хватаясь за голову*): Сэмми, Сэмми!

Я: Пока я хорошо себя чувствую.

Миссис Т.: Боже... Да, но... ты лечишься? Как твои родители, справляются? Может, сразу домой?

Я: Да, лечусь. Родители — нормально. Домой — нет.

Миссис Т.: Передай им, чтобы мне позвонили.

Я: Хорошо.

Миссис Т. (*всплеснув руками*): И ты нашла повод мне об этом сказать — просишь день, чтобы дописать сочинение? Да ради Бога, можешь не писать! Давай я прямо сейчас позвоню мисс Сиглер.

Я: Да что вы, не надо. Сегодня же вечером допишу.

Миссис Т.: С радостью помогу тебе, Сэмми. Это серьезно.

Да, серьезно, что тут говорить. При болезни Нимана-Пика (которая бывает трех типов, А, В и С — у меня С) «плохой» холестерин откладывается в печени и селезенке, накапливается в мозге. В итоге страдает мыслительный процесс, моторика, память, обмен веществ — словом, все самое важное. У меня пока что ничего этого нет, но чувствую я себя неважно уже почти год. Вот интересно: для всякой мелочи у медиков есть умное слово. Иногда я рассмеюсь, и потом меня клонит в сон. Это называется катаплексия. Или тянусь за солонкой и промахиваюсь — атаксия.

Но это все пустяки в сравнении с потерей памяти. Как ты помнишь (я все-таки верю в лучшее!), я увлекаюсь дебатами. Память — мой главный козырь. Стаж мой невелик, но если бы я не увлеклась этим четыре года назад, то наверняка пристрастилась бы к травке. Или к эротическим фанфикам. Или еще к какой-нибудь гадости. Вот как все начиналось:

Давным-давно, Сэм-из-будущего, когда тебе было четырнадцать, с тобой не хотели дружить (впрочем, как и сейчас), ты страдала от одиночества и в школе чувствовала себя изгоем. Родители не покупали тебе модные шмотки; когда играли в вышибалы, тебя всегда выбивали первой; ты не знала, что случайно рыгнув за столом, нужно сразу извиниться, и вдобавок была ходячим справочником мифического зверья и космических аппаратов, невозможных с точки зрения науки. Проще говоря, судьбы Средиземья волновали тебя больше, чем судьбы нашего мира.

Однажды мама заставила тебя записаться в какую-нибудь секцию, и на Дне открытых дверей стол клуба дебатов стоял ближе всех к входу (вот так все просто, ни капельки не романтично). С тех пор жизнь твоя перевернулась. Ты направила свой ум на другое: запоминала уже не виды инопланетян, а идеи, события, направления мысли, и они связывали твой крохотный домик в горах со всей нашей историей, полной неспра-

ведливостей, корысти, побед — точь-в-точь как в твоих любимых книжках, только наяву.

Вдобавок у тебя открылись способности. Годы запойного чтения не прошли даром — ты могла пробежать глазами отрывок и спустя десять минут повторить его слово в слово. Даже отсутствие хороших манер — и это пошло на пользу: когда доказываешь свою правоту, уже не до них. Благодаря дебатам ты поняла, что нет нужды уноситься в выдуманные миры, чтобы познать жизнь за пределами Верхней долины*. Ты поверила, что можно ощутить себя частью мира и при этом не потеряться в нем. Ты научилась себя уважать (хотя друзья у тебя так и не появились). У тебя появилось желание лучше учиться, чтобы вырваться в большой мир и от слов перейти к делу.

Итак, с того дня я гордо числилась в рядах тех, кто даже по выходным бродит по школьным коридорам, рассуждая сам с собой о социальной справедливости. Да, тех чудиков, для кого в радость перелопатить весь Интернет в поисках статей о деле Роу против Уэйда**, перечитать их тысячи, а потом излагать свою концепцию со сцены в надежде словесно уничтожить противника; кто мнит себя юными адвокатами, щеголяет в деловых костюмах. Это моя стихия!

А теперь я заикаюсь на тренировках, придумываю отговорки, когда пропускаю исследовательские встречи, чтобы пойти к врачу, а накануне турниров подбадриваю себя перед зеркалом. Хотя до болезни память была моим счастливым билетом. Способность с лету запоминать информацию приносила мне именные стипендии, помогла, когда мне было одиннадцать, выиграть конкурсный диктант в графстве Графтон. А теперь со всем этим придется распрощаться. Даже представить страшно!

* *Верхняя долина (The Upper Valley)* — регион на северо-востоке США, в верховьях реки Коннектикут, на границе штатов Вермонт и Нью-Гэмпшир

** *Дело Роу против Уэйда* — историческое решение Верховного Суда США относительно законности абортов, одно из наиболее противоречивых и политически значимых решений в истории США

НУ ТАК ВОТ.

Снова в кабинете; слышно, как в коридоре спорят, орут из-за какой-то ерунды.

Я (сквозь шум): Да ничего. И все-таки, напомните мне, пожалуйста, как называется программа для будущих юристов при Нью-Йоркском университете? Знаю, она только для третьекурсников, но, думаю, я могла бы...

Миссис Т. кашляет, будто подавилась.

Я: Миссис Т..

Миссис Таунсенд достает из ящика стола упаковку бумажных салфеток, промокает глаза.

Я: Что с вами?

Миссис Т.: В голове не укладывается...

Я: Да. Ну, мне пора, у меня занятие по керамике.

Миссис Т.: Прости меня. Вот так ужас. (*Откашливается*). Тебе придется еще пропускать уроки?

Я: Только в мае, перед выпускными экзаменами. Но это совсем ненадолго — съезжу показаться врачу. Так, для профилактики.

Миссис Т.: Ты такая сильная!

Я (*собираю вещи, поглядываю на дверь*): Стараюсь.

Миссис Т.: Когда мы с тобой познакомились, тебе было четырнадцать — маленькая такая, в очках (*складывает пальцы наподобие очков*).

Я: Я и сейчас в очках.

Миссис Т.: Но это совсем другие очки. Более изящные, для взрослых. Ты в них совсем молодая дама.

Я: Спасибо.

Миссис Т.: Сэмми, подожди.

Я: Хорошо.

Миссис Т.: Ты такая сильная, но... Но, учитывая... (*Миссис Т. опять закашливается*).

Тут у меня к горлу подкатил противный комок — думала, побочный эффект обезболивающего. Миссис Т. меня здорово поддерживала, с тех самых пор как я перешла в старшую школу. Из взрослых только она меня слушала по-настоящему.

Родители, конечно, тоже пытались, но урывками, минут по пять, а в остальное время то работали, то кормили младших, то латали очередную дыру в нашем ветхом доме на склоне горы. В мои дела они не особо вникают, лишь бы я по дому помогала и не дала младшим умереть с голоду. Когда я сказала миссис Таунсенд, что мечтаю выиграть Чемпионат страны по дебатам, поступить в Нью-Йоркский университет и стать адвокатом-правозащитником, она сразу ответила: «Давай попробуем!» Она одна в меня поверила.

А сейчас она... не побоюсь сказать, будто одной рукой схватила меня за горло, а другой вырвала мне сердце.

Миссис Т.: Думаешь, университет тебе по силам?

Взрыв мозга.

Я: Что?

Миссис Т. (*тыча пальцем в экран*): Это... я, конечно, еще почитаю — но, похоже, болезнь влияет на все. И вред может быть огромным.

Я: Знаю.

И вот такая штука. Здоровье — я с этим справлюсь, но прошу, не лишайте меня будущего. Я столько сил в него вложила, так хорошо все спланировала. Столько лет трудилась, чтобы попасть в Нью-Йоркский университет, а сейчас финишная прямая. Мысль, что миссис Таунсенд допускает хоть на минуту, будто я могу сдать, привела меня в ярость.

Миссис Т.: И, кроме всего прочего, у тебя будет ухудшаться память. Как же ты собираешься учиться? А вдруг...

Я: Нет!

Миссис Т. отшатнулась. Настал и мой черед рыдать. Плачу я редко, организм к слезам не привык, вот и не получилось плакать красиво, хрустальными слезинками, как супермодель. Меня трясло, в стеклах очков скопились соленые лужицы, из горла вырвался странный всхлип.

Миссис Т.: Что ты, что ты... Не надо, не надо... Прости.

Надо было простить и забыть, но как бы не так! И я закричала.

Я: Я НЕ собираюсь НЕ поступать в университет!

Миссис Т.: Разумеется.

Я: Я НЕ собираюсь торчать в Страффорде, гонять на квадроцикле, работать на горнолыжной базе, курить травку, ходить в церковь и заводите кучу детей и коз.

Миссис Т.: Ничего такого я не говорила...

Я (*хлюпнув носом*): Я с таким трудом пробилась в ГанOVERскую школу, разве нет? Поступила в Нью-Йоркский университет, разве нет? Я получаю высший балл! И буду выступать на выпускной церемонии!

Миссис Т.: Да, да. Но...

Я: Значит, и студенткой быть могу.

Миссис Т.: Конечно. Конечно!

Я (*вытирая нос рукавом*): Боже, миссис Таунсенд...

Миссис Т.: Вот салфетка, дружок.

Я: Во что хочу, в то и сморкаюсь!

Миссис Т.: Дело твое.

Я: Я с самого детства не плакала.

Миссис Т.: Не может быть.

Я: Я очень давно не плакала.

Миссис Т.: Ну поплачь.

Я: Угу.

Миссис Т.: Если тебе нужно поговорить, пожалуйста! И не только об учебе — о чем угодно.

Я (*уже у двери*): Да, хорошо. До свидания, миссис Т.!

Я вышла из кабинета миссис Таунсенд (уже в полном порядке, спасибо), класс по керамике решила пропустить и поехала сразу домой: писать сочинение и ждать, пока мои эмоции покинут меня. Если не насовсем, то хотя бы удалятся на приличное расстояние.

Я плакала от ужаса, никогда в жизни мне не было так страшно. Страшно, что миссис Таунсенд в чем-то права. Пытаюсь представить свой мозг, а представляю пустую голову, бесполезную, никчемную.

К тому же я устала.

Забираете у меня тело — ну и пожалуйста, все равно я не знаю, на что оно мне. У меня огромная задница, тонкие длинные ноги, всегда растрепанные волосы и странные светло-карие глаза цвета фраппуччино. Но не мой мозг. Он моя настоящая связь с миром.

Почему я не могу медленно угасать, разъезжая в кресле-каталке и блистая остроумием через синтезатор речи, как Стивен Хокинг?

Брррррррр! Как представляю, что меня ждет — ...
кгенщзуекнезнергщзгкгежкзхйе

Даже не знаю, что тут сказать. И меня пугает всякого рода незнание. Любое. Терпеть не могу, когда я чего-то не знаю. Хочу во все вникать, во всем разбираться.

Вот тут-то и появляешься ты, Сэм-из-будущего.

Ты должна воплощать собой ту, кем я стану. Непременно стану, ведь чем больше я успею для тебя записать, тем меньше забуду. Чем больше я пишу, тем быстрее ты оживаешь.

Итак: мне сегодня многое нужно успеть. Среда, утро. Надо прочесть семь статей об оплате труда. Надо позвонить Мэдди, напомнить, чтобы она тоже прочла; вот уже три года она мой бессменный партнер по дебатам, и у нее ужасная привычка «импровизировать» — она считает, что у нее дар Божий к утверждающим речам*. (И она права отчасти.) Эти глухие куры до сих пор не кормлены. Окно приоткрыто. С Зеленых гор тянет росой и прохладой. Дома все еще спят, но вот-вот проснутся. И смотри, солнце встает! Что ж, хотя бы это я точно знаю.

* В рамках дебатов представлены две стороны: Утверждающая (которая поддерживает тему) и Отрицающая.

СЭМ-ИЗ-БУДУЩЕГО

- откликается на имя Сэм или Саманта;
- питается исключительно орехами и ягодами;
- носит модные очки (или контактные линзы?);
- носит костюмы, сшитые на заказ, только строгих расцветок — синие или черные, без рисунка;
- смеется всегда к месту низким бархатным смехом;
- раз в неделю пьет коктейли в обществе остроумных, состоявшихся женщин;
- читает «Нью-Йорк Таймс» лежа в постели в пушистом белом халате;
- ее узнают на улице и говорят: «Ваша колонка о международных событиях изменила мне жизнь!»

НЫНЕШНЯЯ СЭММИ

- отзывается на «Сэмми», потому что никто не привык называть ее Сэм, ни в школе, ни дома — за исключением Дэви, но она шепелявит, и у нее выходит «Фэм»;
- ест все, до чего может дотянуться, включая инцидент с муляжом фруктов в церкви;
- носит очки в массивной блестящей оправе, иногда — «диско»;
- носит любые футболки, в которых можно появиться и в школе, если они не были слишком испорчены мелкими организмами, обитающими в доме;